

А. П. ДОВЖЕНКО.

Фотохроника ТАСС.

Художник-Гражданин

В «Избранных сочинениях» А. П. Довженко есть небольшая статья, относящаяся к 1949 году. Называется она «Путь к образу». Александр Петрович вспоминает в ней встречу с артистом Г. А. Беловым — исполнителем заглавной роли в фильме «Мичурин» и рассказывает о той необыкновенно сложной работе, которую проделал артист, создавая образ великого преобразователя природы.

Он пишет о Г. А. Белове с глубокой симпатией, с трогательной теплотой и уважением к этому большому, на редкость требовательному к себе актеру. И в том, как он пишет о своем товарище по труду, о творческих его поисках, виден и сам А. П. Довженко, педагог, взыскательный художник, воспитавший и воспитывающий своим наследием сегодня поколения актеров и режиссеров кино.

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии Григорий Акинфович Белов — актер Ярославского драматического театра имени Ф. Г. Волкова. Восемнадцать лет минуло с тех пор, как счастливая актерская судьба свела его с А. П. Довженко. Но память бережно хранит мельчайшие штрихи этой встречи, ставшей переломным творческим этапом в жизни артиста.

В эти дни, когда советский народ отмечает 70-летие со дня рождения А. П. Довженко, наш корреспондент встретился с Г. А. Беловым. Вот что рассказал Григорий Акинфович о работе над «Мичуриным», о творце этого фильма Александр Петрович Довженко.

вдохновенный гимн человеку, гимн Родине, любимой им беспредельно. И это поразительное преклонение перед красотой природы — оно не носило характер умилятельно-

ника — преобразователя природы, целеустремленного исследователя и борца, человека неустанного труда и неукротимой воли.

Таким был и сам Довженко. И объективно фильм «Мичурин» и явился в некотором роде самовыражением личности его создателя, его режиссера.

Путь мой к образу Ивана Владимировича Мичурина был необычайно трудным, образ рождался в «тяжких муках». И здесь Довженко как режиссер предстал передо мной во весь свой исполинский рост.

«Нашел» он меня по чистой случайности. Уже было просмотрено в роли более десяти человек, но Александр Петрович не удовлетворялся. И вот к тому-то времени один из его помощников, вернувшийся из Ярославля, сказал, что видел в Волковском театре подходящего актера.

Меня вызвали. «Первое впечатление — в комнату вошел человек, которого никто бы не принял за актера. Он походил на провинциального врача, педагога или агронома... В его манере не было ничего специфически актерского».

как понимал их Довженко, потому что не понимал Довженко как режиссера. Я чувствовал, что передо мной — художник необыкновенный, непохожий на других, и что передо мной как перед актером стоят поэтому задачи совершенно необычные. И вот потому-то вначале было так: вроде логически все верно, внешний рисунок найден, каждый кусок, казалось бы, звучит убедительно...

Но все-таки не было найдено главное. А оно у Довженко заключалось в требовании огромного обобщения, философского звучания каждого эпизода, каждой детали. Он не переносил правду мелконую, правду «бытовую». Он мыслит крупными категориями и требовал этого от актеров. Припоминаю такой эпизод: снимался кадр, где работник Терентий поймал мальчишку, укравшего неспелые яблоки. Казалось бы, чего проще сыграть: Мичурин приглашает с собой мальчишку пить чай, разрезает яблоко и начинает рассказывать, что оно еще не созрело и что в нем, этом небольшом яблоке, заключена огромная и сложная жизнь, начиная с семечек и кончая

Эти строки мною взяты из статьи «Путь к образу», потому что передать точнее это первое впечатление Довженко, оказавшееся для дальнейшей работы важным, мне было бы трудно. Но хоть многое во мне, как в актере, импонировало Александру Петровичу, все же работа над образом в первое время практически почти не двигалась вперед. Я не понимал вначале свои задачи так,

тем моментом, когда его можно сорвать...

Я играл его просто как бытовую сцену. Но Довженко видел здесь другое. Он требовал наполнить ее мировоззренческим, философским содержанием. Он требовал сыграть ее так: встреча с необыкновенным садоводом должна запасть в душу мальчика на всю жизнь, чтобы мальчик понял частицу смысла жизни.

Довженко, работая со мной, — да и не только со мной, — почти никогда не репетировал по тексту. У него был иной прием «оживления» в образ. Предложив мне идти от внешнего рисунка роли, он затем «наполнял» образ широкими рассказами о герое. Перед каждой сценой он никогда не говорил тем текстом, который был в сценарии, а как бы рисовал объемные, многогранные сцены из жизни героя, чтобы образ был предельно понятен и предельно обобщен. Снимали смерть Терентия... Чтобы ощутить обстановку, в которой он жил, трудился (Терентий умер в саду, среди груды яблок), Александр Петрович звал нас в сад, в шалашик сторожа, и вот там, среди благоухающих дивных плодов, мы слушали его часами. Довженко негромко, задумчиво рассказывал об удивительном человеке, о прекрасном сыне русского народа, о труде, проникнутом поэзией и подвигом, — Иване Владимировиче Мичурине...

Был ли плодотворным этот творческий прием? Да, безусловно. Незаметно, со всей осторожностью и тактичностью Довженко помогал мне нащупать нить поиска и постичь принципы его режиссерской работы. Однажды снимали кадр — встречу с иностранцем. Накануне Александр Петрович долго, вот так же, как в предыдущем эпизоде, рассказывал, углублял понимание всей общей темы фильма. И сама собою пришла чудесная находка: Мичурин разговаривает с иностранным гостем, не бросая работы, копая грядку...

Это означало для меня не просто

открытие детали. Это был перелом в работе. Это было постижение доженковского замысла, доженковского искусства... Вечером мы возвращались со съемок вместе, он был необычайно весел, лицо его сияло, и он признался мне:

— Теперь я, Григорий Акинфович, утвердился, что вы меня поняли. Теперь дело пойдет скоро!

Была для Довженко одна тема, на которую он говорил всегда особенно вдумчиво, с глубокой внутренней взволнованностью и с суровой требовательностью к себе и к своему собеседнику. Тема эта — гражданственностью искусства и художника. Я понял, что для него это совершенно неотделимо от мастерства актера, от знания сценических законов. Более того, гражданственность, говорил Довженко, — это тоже элемент мастерства. И мне становилось понятно, почему он никогда не репетировал текст. Это не главное для него. Но вот какой человек произносит этот текст — это и есть главное. Надо, чтобы твой герой был гражданином, а для этого ты, актер, должен отыскать во всей необозримой массе частностей самое существенное для героя и обобщить это до уровня философского восприятия жизни.

И потому-то Довженко как художник-гражданин, художник-коммунист был абсолютно нетерпим ко всякой лжи, к приукрашиванию действительности, к той слащавой правдишке, которую в свое время пытались протаскивать иные наши художники слова, кино, кисти и которую в те годы, годы культа личности Сталина, кое-кто услужливо поддерживал.

Александр Петрович чрезвычайно болезненно воспринял «поправку», сделанные на первом варианте его «Мичурина», хотя абсолютно бесспорно, что тот, на две трети забракованный вариант, был много лучше того, который увидел на экране зритель. Мы переделали от 50 до 70 процентов кадров... По указанию чиновников из тогдашнего министер-

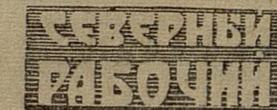
ства мы убрали много из того, что было связано с личным, глубоко интимным в жизни Мичурина. Пришлось заново снимать и сцены выставки трудов Ивана Владимировича после революции — делать ее помпезнее, «представительнее»... Пришлось вставить также «по указанию сверху» сцену, когда Мичурин получает телеграмму от Сталина...

— Душу выпотрошили из фильма, — нервничая, страдая от непонятных тогда указаний», горько говорил нам Александр Петрович. В этом фильме он хотел сказать много больше того, что сказал. У него были заготовлены чудесные сцены — встречи с учителями, разговор о том, каким должен быть педагог, воспитатель. Как художник, он хотел полнее раскрыть свое отношение к миру, к эпохе, в которой жил, дать полнее образ ее современника. Но даже и то, что удалось сделать, вошло в золотой фонд искусства социалистического реализма.

ОНИ почти ровесники, актер и режиссер. Григорию Акинфовичу Белову сейчас шестьдесят девять. Прямая непокорная годам фигура. Строгое, сухощавое лицо. Огромный повседневный актерский труд. В статье «Путь к образу» Александр Петрович Довженко пишет: «Создать образ выдающегося человека в кинофильме, по моему глубокому убеждению, может... артист-гражданин».

Эти слова Александр Петрович Довженко отнес к своему современнику Григорию Акинфовичу Белову.

О. КОРОТАЕВ.

3

стр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАДИОИМПЕКС
г. Ярославль